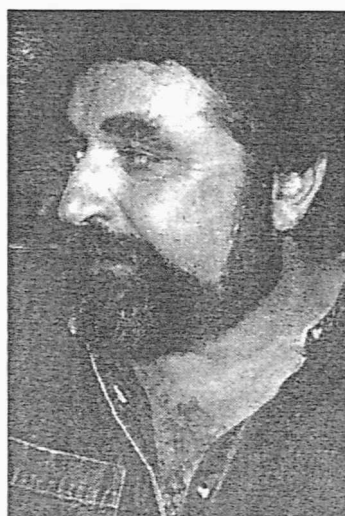

Наша лучшая реклама – зрительская молва

Только что в Москве завершились гастроли израильского театра "Гешер". На сцене МХАТа имени А.П.Чехова труппа сыграла три спектакля, два из которых – "Раб" И.Башевиса-Зингера и "Деревушка" И.Соболя – на иврите и один – "Город" по И.Бабелю – на русском языке. Театр "Гешер" был создан в 1990 г. в Тель-Авиве, куда приехал на постоянное место жительства режиссер Евгений Арье с группой актеров из бывшего СССР. За годы своего существования театр с уникальной труппой, играющей на двух языках, объехал полмира. Его гастроли с успехом шли на сценах Нью-Йорка, Лондона, Парижа, Берлина, многих других городов. И только в Москву Евгений Арье, ученик Г.Товстоногова, известный режиссер, чей спектакль "Розенкранц и Гильденстерн мертвы" в Театре им. Вл. Маяковского был в свое время событием столичной театральной жизни, все это время не решался приезжать. Этот показ на подмостках МХАТа, состоявшийся при помощи Российского государственного агентства, и режиссер, и труппа считают особенно ответственным. Наш разговор с Евгением АРЬЕ состоялся в краткий промежуток между дневными репетициями в знаменитом лхатовском "портретном фойе".

Е.Арье

– Евгений Михайлович, в своем обращении к московским зрителям, помещенном в буклете театра, вы сказали: "...про Москву, город, в котором прошла большая часть личной и профессиональной жизни, город, действительно "знакомый до слез"; я не знаю сегодня ничего. Знаю только, что со времени нашего отъезда все, ну просто все тут изменилось". Правильно ли я поняла, что вы имеете в виду театральную публику? Ведь, если "Гешер" действительно приехал сюда впервые, то вы со времени отъезда столицу все же навещали?

– Да, лично я сюда приезжал. Речь, конечно, о театральной ситуации и о реакции зрителей. К сожалению, именно в этот раз я совершенно не вижу Москвы – все время спектакли, репетиции, а в перерывах – встречи, интервью. Зато зал, какется, нас принял. Особенно я волновался за спектакли "Деревушка" и "Раб". Дело, конечно, не в языке, а в специфичности материала. В "Деревушке" идет жизнь еврейского поселения 40-х годов со всеми ее реалиями, с особой психологией...

– Как раз "Деревушка", по-моему, абсолютно "в яблочко". Язык спектакля, его атмосфера, в которой разлиты мельчайшие наблюдения над простыми человеческими реакциями, нежность и ирония к людским слабостям. У Петра Фоменко есть блистательный спектакль "Одна абсолютно счастливая деревня"...

– Такое сравнение делает честь. Расскажите, как актеры – выходцы из нашей страны вживались в совершенно иной театральный климат и как возникало творческое взаимопонимание с коренными израильтянами, которые играют в вашей труппе.

– Те, кто приехал со мной, конеч-

но, привезли с собой сильную русскую школу. Эта школа резко отличается от израильской. Здесь учат технике, технике и еще раз технике. Такие материи, как самочувствие, переживание, атмосфера – словом все, что связано с психологическим театром, – совершенно не обязательны. Самое главное – техническая готовность. Израильские театры выпускают по десять – пятнадцать премьер в год, а "Гешер" – две или три. Потому что мы занимаемся на репетициях совсем другим делом, на которое требуется гораздо больше времени.

– И все же в актерах – наших бывших соотечественниках угадывается что-то новое. То ли темперамент, то ли особый вкус к форме. Ближневосточное солнце греет по-другому?

– Конечно, они постепенно вжились в иной климат, в том числе и психологический. В них постоянно идет некий взаимообмен, даже на каком-то биологическом уровне. Когда я ставил "Раба", я долго думал: как совместить притчевое мышление с "проживанием" обстоятельств? Как сделать так, чтобы не только сюжет Зингера привлекал зрительское внимание, но и каждая минута психологического состояния человека на сцене? И однажды в воображении я увидел саму сцену: почти пустая, много воздуха, камни, огонь... и человек. Все просто.

– А "местные" актеры, которых вы берете? Как они адаптируются к совершенно иному типу театра? Одну "притчу" на эту тему как-то рассказывал Роберт Стура. Товстоногов и Р.Сирота ставили в Театре им. Ш.Руставели русскую классическую пьесу. И Р.Сирота как-то пожаловалась Стуре: "Робик, беда! Ваши актеры совершенно не умеют пить чай!"

– Понимаю. Речь об ином теат-

ральном генетическом коде. Мы учимся в процессе репетиций. Конечно, я тщательно отбираю молодых артистов. Знаете, встречается очень податливый материал. Актерский талант – вещь, на самом деле абсолютная. Все зависит от того, в чьи руки он попадет и какие задачи перед ним поставят в конкретной работе. Я встречаю здесь молодых ребят, обладающих не только выразительностью и взрывным темпераментом, но и врожденной техникой. А остальное мы постигаем вместе в процессе репетиций.

– И все же с постановками Чехова или Достоевского, наверное, сложно? В том числе и в отношении зрительского восприятия. Многословные интеллигентские излияния не очень проходят на израильском зрителе?

– Конечно, такая проблема существует. Тем более израильские театры в массе своей приучили публику к темпу, ритму, краскам, но не к глубинному смыслу. И актерская игра часто существует на уровне... Помните, в советские времена были кружки художественного чтения? Это когда работала такая "говорящая голова": голос, отчетливый текст и ровным счетом ничего внутри. Вот что-то в этом роде. Мы тем не менее ставили "Идиота", "Трех сестер". Пытались привить публике, среди которой тогда еще было гораздо меньше выходцев из бывшего СССР, чем сейчас, вкус к серьезному театру. Хотя кто-то из великих говорил, что спектакль может и должен опережать зрителя, но лишь на шаг или два, в противном случае контакт полностью исчезает и все бессмысленно.

– А вы будете еще ставить Чехова в Израиле?

– Мечтаю об этом. Кроме того, я недавно наткнулся на одну пьесу Брайена Фрила (у Льва Додина идет

его "Малли Суини"), где встречаются персонажи из разных чеховских пьес и происходит какая-то человеческая история. Очень хочу это поставить, хотя понимаю, что такому спектаклю нужен зритель, который находится в контексте и угадает первоисточники.

– Судя по всему, вы с самого начала "Гешера" избрали принципиально некоммерческий путь. Ну и как же удалось выжить – на энтузиазме?

– Нет. Глупый энтузиазм я отменил сразу. Я решил для себя, что актеры обязательно должны получать за свой труд зарплату, пусть плохую, но чтобы хоть как-то хватало на жизнь. Помогли друзья. Они написали ряд ходатайств, и государство взяло "Гешер" на дотацию. Мы – государственный театр. Другое дело, что до сих пор наш, так сказать, облик, наше театральное мировоззрение, может быть, и не совсем понятны тем, кто нас финансирует. На сегодняшний день уже работают наша репутация, стойкий успех "Гешера" во многих странах мира.

– А рецензии влияют на отношение к вам властей и зрителей? Есть конкретная связь между критическими отзывами и сборами от спектаклей, как это существует в США и странах Западной Европы?

– Нет, такой связи в Израиле нет. Критика, к слову сказать, удручает своим профессиональным уровнем. Хотя, в основном, хвалит. Но не эта хвала приводит зрителей в наш театр, а исключительно – устная молва. Вот она имеет решающее значение. Если два-три первых премьерных показа прошли удачно, об этом тут же передаст устный телеграф. Если же публике было скучно – все, конец. Впрочем, пресса имеет значение вот в каком случае. Сейчас в разных районах Израиля построили много зрелищных зданий. При них существуют комитеты, которые покупают спектакли, концертные программы и т.п. Вот они читают прессу и черпают в ней необходимые сведения.

– У вас в репертуаре есть спектакли для детей?

– Нет. Опять же в силу определенной традиции. В Израиле нет детских театров как таковых. Нет и обычая семейных просмотров. Для детей работают отдельные коллективы, которые ставят спектакли к основным национальным праздникам. Такое представление идет, как правило, несколько дней и прекращает свое существование. Хотелось бы, конечно, поставить для детей настоящий серьезный спектакль. Может быть, когда-нибудь это и произойдет.

Беседу вела
Наталья КАМИНСКАЯ